

Романсъ.

Стояла сѣрая скала
 На берегу морскомъ.
 Однажды на чело ея
 Слетѣлъ небесный громъ,
 И раздвоилъ ее ударъ—
 И новою тропой
 Между разрозненныхъ камней
 Течеть потокъ сѣдой.
 Вновь двумъ утесамъ не сойтись,
 Но все они хранятъ
 Союза прежняго слѣды—
 Глубокихъ трещинъ рядъ.
 Такъ мы съ тобой разлучены
 Злословіемъ людскимъ,
 Но для тебя я никогда
 Не сдѣлаюсь чужимъ.
 И мы не встрѣтимся опять,
 И если предъ тобой
 Меня случайно назовутъ,
 Ты спросишь: кто такой?
 И, проклиная жизнь мою,
 На память приведешь
 Былое... и одну себя
 Невольно проклянешь
 И не изгладить ты никакъ
 Изъ памяти своей
 Не только чувствъ и словъ моихъ—
 Минуты прежнихъ дней!..

Прелестницѣ.

Пускай ханжа глядитъ съ презрѣньемъ
 На незаконный нашъ союзъ,
 Пускай людскимъ предубѣжденьемъ
 Ты лишена семейныхъ узъ;
 Но передъ идолами свѣта
 Не гну колѣна я мои;
 Какъ ты, не знаю въ немъ предмета
 Ни сильной злобы, ни любви.
 Какъ ты, кружусь въ весельи шумномъ,
 Не чу владыкой никого,
 Дѣлюсь съ умнымъ и безумнымъ,
 Живу для сердца своего;
 Живу безъ цѣли, беззаботно,
 Для счастья глухъ, для горя нѣмъ.
 Я людямъ руки жму охотно,
 Хотя презираю ихъ межъ тѣмъ.
 Мы брань ихъ—смѣхомъ уничтожимъ,
 Насъ клеветы не разлучать,
 Мы будемъ счастливы, какъ можемъ,
 Они пусть будутъ—какъ хотятъ!..

**

Ты молодъ, цвѣтъ твоихъ кудрей
 Не уступаетъ цвѣту ночи;
 Какъ день, твои блистаютъ очи
 При встрѣчѣ радостныхъ очей.
 Ты, отъ души смѣясь съобщному,
 Какъ скуку, гонишь прочь печаль;

Чтобъ бредъ ребяческій другому,
 То все тебѣ покинуть жалъ.
 Волною жизни унесенный
 Далеко отъ надеждъ былыхъ,
 Какъ путешественникъ забвенный.
 Я чуждымъ сталъ между родныхъ.
 Предъ мною несутся видѣнья,
 Жизнь обманувшія мою,
 И не рожденный для забвенья,
 Я вновь черты ихъ узнаю.
 И время ихъ не измѣнило:
 Они все тѣ же!—я не тотъ;
 Зачѣмъ же гибнетъ все, что мило?
 А что жалѣть, то живеть?

HAD WE NEVER LOVED SO KINDLY.

Если бъ мы не дѣти были,
 Если бъ слѣпо не любили,
 Не встрѣчались, не прощались—
 Мы съ страданьемъ бы не знались.

Эпитафія.

Прости! увидимся ль мы снова?
 И смерть захочетъ ли свести
 Двѣ жертвы жребія земного?
 Какъ знать? Итакъ, прости, прости!
 Ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не далъ;
 Ты самъ на свѣтѣ былъ гонимъ,
 Ты въ людяхъ только зло извѣдалъ,
 Но понимаемъ былъ однимъ.
 И тотъ одинъ, когда рыдая
 Толпа склонялась надъ тобой,
 Стоялъ очей не отирая,
 Небрежный, хладный и пѣмой.
 И всѣ, не вѣдая причины,
 Винили дерзостно его,
 Какъ будто мигъ твоей кончины
 Былъ мигомъ счастья для него.
 Но что ему ихъ восклицанья?
 Безумцы! не могли понять,
 Что легче плакать, чѣмъ страдать
 Безъ всякихъ признаковъ страданья!

Измученный тоскою и недугомъ
 И угасая въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
 Проститься я съ тобой желалъ, какъ съ дру-
 гомъ,
 Но хладенъ былъ прощальный твой привѣтъ.
 И ты не вѣришь мнѣ, ты притворилась,
 Что въ шутку приняла слова мои;
 Моимъ слезамъ смѣяться ты рѣшилась.
 Чтобъ съ сожалѣньемъ не явить любви.
 Скажи мнѣ, для чего такое мщенье?
 Я виноватъ,—другую могъ хвалить;
 Но развѣ я не требовалъ прощенья
 У ногъ твоихъ? Но развѣ я люблю
 Тебя переставалъ, когда, толпою
 Безумцевъ молодыхъ окружена,
 Горда одной своею красотою,